

Борис Заицев МОИ СОВРЕМЕННИКИ

БОРИС ЗАЙЦЕВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

**МОИ
СОВРЕМЕННОКИ**

ВОСПОМИНАНИЯ
ПОРТРЕТЫ
МЕМУАРНЫЕ ПОВЕСТИ

Москва

<< РУССКАЯ КНИГА >>

1999

УДК 882
ББК 84Р
3-17

Составитель, автор вступительной статьи и примечаний
Т. Ф. Прокопов

Издание осуществляется при участии дочери писателя
Н. Б. Зайцевой-Соллогуб

Разработка оформления
Ю. Ф. Алексеевой

Шрифтовое оформление
В. К. Серебрякова

Зайцев Б. К.

3-17 **Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести.— М.: Русская книга, 1999.— с., 1 л. портр.**

Шестым (дополнительным) томом Собрания сочинений классика Серебряного века и русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972) начинается публикация его мемуарно-автобиографических произведений, с которыми многие читатели-россияне познакомятся только сейчас. В томе впервые издаются вместе книги воспоминаний «Москва», «Далекое» и «Мои современники» (дополнена новыми главами-очерками). Здесь же публикуются две малоизвестные в России автобиографические повести в письмах — «Повесть о вере» и «Другая вера», документальной основой которых стала многолетняя дружеская переписка жен писателей Веры Алексеевны Зайцевой-Орешниковой и Веры Николаевны Буниной-Муромцевой.

ISBN 5-268-00446-8

882

ISBN 5-268-00402-6

84Р

© Прокопов Т. Ф., 1999 г.,
состав, вступительная статья, примечания.

О РЕМИЗОВЕ - - К ДЕСЯТИЛЕТИЮ КОНЧИНЫ

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями...

Дальние времена, начало века. Мы с женой, молодые еще, приезжаем по временам из Москвы в Петербург, по делам литературным: там наш Гржебин. — «Шиповник», первый мой издатель. Там журнал «Вопросы жизни». Его редактор — «мистический анархист» Чулков, из моих близких. Секретарь редакции Ремизов, Алексей Михайлович.

«Вопросы жизни» был толстый ежемесячный журнал модернистско-христианского направления. Первые скрипки в нем — Булгаков (тогда еще не священник), Бердяев. Но и Мережковский, Гиippiус, Розанов. Из совсем молодых Блок, Ремизов, Чулков и я.

Квартира у этих «Вопросов» была большая. В одной части ее жил Чулков с женой, на другом конце Ремизов со своей женой Серафимой Павловной и дочерью, совсем маленькой Наташей. Между Чулковым и Ремизовым редакционное странство.

(Раз, зайдя к Ремизовым, застал я некую идиллию, довольно неожиданную: Мережковский, в кресле, покачивает на гностической своей тонкой ножке, эту крохотную Наташу. Может, правда, тронул младенец его полуледяное сердце?)

Алексей Михайлович Ремизов того времени — худенький, вихрастый, в очках и уже горящийся молодой человек, автор романа «Пруд», вещи трудной и неблагоприятной, вокруг которой многое ему приходилось претерпевать — не помню точно, все же кажется, что ее печатали в «Вопросах жизни» («с великим»... ну, скажем, «напряжением»). Но где-то и когда-то, во времена третичной эпохи, я ее читал — безрадостно.

Худенький человек в очках, подвластный своей мощной супруге, как будто и невидный, но и ни на кого не похожий

по внутреннему миру, затаенный, пришибленный и уязвленный, фантазмагорист, с колдовской прослойкой, очень умный и одаренный, склонный подшутить втихомолку и даже не без яду, но по пустякам. Кажется, этим занимались они сообща с Розановым (в некоем смысле это были два сапога пара).

* * *

Встретились мы впервые в Петербурге, в 1906 году, и российское знакомство шло все там же. А были оба из Москвы, и он гораздо более, чем я. Коренной москвич, как и моя жена — духом из Москвы, землей ее вскормленный.

На Садовой, в Москве, около Курского вокзала, было два соседних особняка: Орешниковых и Найденовых. Оба с садами, службами, просторами. Найденовский более роскошный, сохранился и поныне. Одноэтажный ампир, благородный стиль, воспроизводится в художественных изданиях. Орешниковский меньше, архитектурой не замечателен, просторный тоже, комнат с десяток, сейчас его вовсе нет: возведены на его месте и вокруг огромные дома.

Мать Ремизова была урожденная Найденова, замуж вышла за мелкого служащего Ремизова — брак неравный с точки зрения мещанской. Родила несколько мальчиков — среди них Алексея — рано потеряла мужа и осталась без средств. Братья устроили ее у себя, но в каком-то флигельке, и жизненно — на задворках: она нищая вдова, живет из милости. Они — баре, от купечества московского. Думаю — это первое, что сгорбило и внутренне Алексея Михайловича с ранних лет: детство полуприживальщицкое.

Орешниковы рядом, тоже «буржуазного» происхождения, но другой стиль. Алексей Васильевич Орешников, мой тесть, был археолог с европейским именем, специалист по скифским древностям, управлял Историческим музеем.

У Ремизовой мальчики, у археолога пять девочек, веселых, резвых шалуний. (Одна из них оказалась позже моей женой.) Много лет спустя, уже в Париже, Алексей Михайлович рассказывал, что водиться с орешниковскими соседками им запрещалось: слишком бойки. (Сами же Ремизовы-младшие были еще проказливей, но в другом, замысловато-затейном и отчасти издевательском духе.)

У самого Алексея Михайловича склонность к фокусам, «штучкам» сохранилась до зрелости. Первые встречи с ним в Петербурге были довольно отдаленны и прохладны. Он замкнутый, с внутренним изгибом и надломленностью, я тоже не нараспашку,

оба самолюбивые и застенчивые. Моей жены он как будто бы и стеснялся: слишком знала она его раннюю, с детства, при-
давленность и обиженность. Да и позже все давалось ему нелегко
в жизни, мы с женой рядом с ним казались баловнями, бело-
ручками.

Во всяком случае, в ту, раннюю полосу знакомства мы были
далеки. Он как-то не входил в мой круг, а я в его.

Помню мелкий литературный случай, он не «случаен» и
Ремизова отчасти рисует.

В одном из журналов тогдашних был напечатан рассказик
мой «Океан» — плохенькая штучка, я его и в книги не поместил.
Фантазия романтическая, навеянная Капри. «Герой» бросается
под конец с горы в «океан» и летит *полторы минуты*. Мне
тогда казалось, что ничего, лететь-то ведь немало. Но хитро-
умный Алексей Михайлович, ухмыльнувшись, вероятно, стал
высчитывать — получилось: гора высотой в *шестьдесят верст!*
Многовато. Я на это не рассчитывал, но среди литераторов
петербургских не один Ремизов, конечно, ухмыльнулся.

А было литераторов немало. Эти годы, начала века, до
войны, злачны были для литературы нашей — не напрасно
названы они серебряным веком. Так оно всегда и бывает: в
затишье «цветут Музы», войны и революции меняют жизнь, но
не рождают искусства.

Перед войной Ремизова стали больше печатать, а когда
возник «Сириус», богатое издательство меценатское, в Петер-
бурге, то стали выходить довольно обильно и его книги. (В
«Шиповнике» он тоже печатался, в альманахах.)

Но судьбы загадочны и неуловимы. Пришла война, революция
все разметала, и всех нас порасшвыряло, кого куда: Блок,
Ахматова, Горький, Кузмин в России остались и легли в русскую
землю, большинство же тогдашних развеялось по краям запад-
ным, в том числе и мы с Ремизовым. Как почти все «наши»,
поколения нашего, оказались в Париже, насельниками Отей,
Пасси. Здесь жили, здесь трудились, здесь и умирали. Из моих
сверстников и старших меня все тут успокоились. Вокруг —
кладбище: русская литература начала века.

* * *

Ветры после революции улеглись не сразу. Последняя волна
вновь разбросала — кого в Грасс, кого в Америку.

Недавно, проходя по ав. Mozart, я заглянул в тупичок Villa
Mozart — там некогда жил Ремизов с Серафимой Павловной
(дочь стала уже взрослой, из России не уехала и погибла где-то

на юге от немцев). Изменился тупичок с тех пор, как некогда читал здесь Ремизову и мне свой рассказик Мочульский!

И много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я.

Был подвержен «закону» и Ремизов. Позже, во время этой (опять!) войны, жил он уже на rue Voileau, там Серафима Павловна скончалась, и он остался один, слабый, полуслепой. Там выжил только благодаря друзьям — друзья-то оказались верные, больше, конечно, женщины, вековой облик милосердия, почти двухтысячелетний. (Были и мужчины, но гораздо меньше.)

Дело поставили серьезно, почти «научно». Роли распределены. Одна заведует корреспонденцией, другая чтица. Особенная кухонная женщина, попроще, в доме живет и готовит. Одна — главноначальствующая, главноверх, одна — писательница преданная, вроде начальника штаба. Невидимая (редко показывалась, но часто присылала «чего бы покушать»). Квартирными, налоговыми делами ведал ее муж. Преданный человек из шоферствующих — по «общей деятельности». А затем дилетанты-любители вроде меня: поговорить, что-нибудь вслух прочесть.

Дамский отряд и панихиду устраивал ежегодно по Серафиме Павловне — в церкви — сам Алексей Михайлович уже не мог бывать, но день считался торжественным и потом все к нему собирались на чаепитие.

Еще в давние времена, сорок лет назад, подарил он мне к юбилею замечательный альбом собственного производства — любил рисовать и разделявать всякие штуки (в то время еще порядочно видел, хотя всегда был близорук — с «Подстриженными глазами»). Надо было его терпение, чтобы подобрать и фотографии мои, с детских лет, и писать разные «грамоты», все мы, пишушие, считались членами «Обезьяньей Вольной Палаты», он — генеральный секретарь этого «Обезволпала» — по временам производил повышения в фантастических чинах наших, давал похвальные грамоты (мне к юбилею) — все это написано стилем и почерком XVII века, скреплено печатью Обезьяньей Палаты, с клоком какой-то шерсти — «обезьяньей», конечно.

Он любил рисовать. Станным образом, рисунки его, всегда фантастические, являли как бы сочетание древнерусского книжничества с самоновейшим сюрреализмом. Или абстрактной живописью. Думаю, они были даровитее многого хлама, которым теперь торгуют — и успешно — ловкачи. Ремизов природно

был чудодеем, все в нем изначально искривлено, фантастично и перепутано, непролазные дебри. В юности горбился, к старости стал совсем горбатым, меньше ростом, конечно, в очках, с редковатым ежиком на голове. Злобности Черномора в нем совсем не было, напротив, ко всем обездоленным всегда сочувствие, но некое и ехидство таилось в умных глазах. Подшутить, дать прозвище (одну даму называл он «Солдат», верно, и меня как-нибудь называл, но своей клички не знаю).

Вообще же был существо особое, но таким создан и неповторим. Может быть, и юродство народное времен тетки, Алексея Тишайшего, отозвалось, но органически: этого не подделаешь. Допускаю, что сам он эту знал свою черту и несколько ее в себе выращивал.

Когда был не столь немощен еще, сам ходил по французским редакциям, закутанный в какой-то небывалый шарф, плохо видящий и беззащитный. Приемная Плона какого-нибудь или Галлимара мало походила, конечно, на паперть собора Московского триста лет назад, но талантливейший русский писатель смахивал, конечно, на своего дальнего предка с этой паперти. На французов (как мне рассказывали) он производил впечатление чуда-юда, отчасти ошеломляющее и располагающее.

В авангардных изданиях его иногда печатали. Что доходило в переводе до французского читателя, не знаю, но появлялись и книги, конечно, тиражами «на любителя».

Вот это, кажется, главная была его страсть: печататься. Он и по-русски печатался довольно много (число его книг мне называли — боюсь повторять, что-то уж слишком много, но что «немало» — ручаюсь). Печатался и в газетах, и в журналах. У нас, в «Русской мысли» того времени, много появлялось очень милых его вещичек «стиль рюсс» чрезвычайно. Этим я обычно занимался. Он давал мне текст, я по напечатании носил ему гонорары — скромные, но честные эмигрантские златницы. Небогато, но ему и это нравилось.

Он всегда, когда я входил, сидел за столом своим, в очках, в плеле каком-нибудь на плечах, курил, черная клеенка стола в желтоватой россыпи табачной, пепельница, окурки. Но не столь он видел, чтобы в пепельницу эту попадать. Встречались всегда дружелюбно. Он благодарил, гладил ласково бумажные скудные златницы (эмигрантские!), прятал в ящик письменного стола.

— Хорошо... вот это хорошо. Спасибо.

Прежде, когда лучше видел, много рисовал — фантастические свои загогулины. Теперь уже не до рисования. Дай Бог имя свое подписать членораздельно. Все же писал он иногда «пись-

ма): несколько строк наобум, бедными кривыми буквами, строки вниз сползали непрестанно — горький вид последней борьбы с немощью. Ум же — ясный, слов мало, но не зряшных.

— А как доктор африканский поживает?

(Так он звал одного преданного ему писателя-врача, тот одно время служил в Африке.)

После долгих блужданий рукой со спичкой зажег, наконец, папиросу.

— Давно не был. Да... А я собираюсь возвести его в главные хранители. В великие хранители обезьяньего знака.

Этот «африканский доктор», ныне уже тоже успокоившийся, прежде водил его гулять под ручку, помогал ванну брать, вообще смиренно действовал по домашним надобностям. Алексей же Михайлович был теперь уже вполне беспомощным. Главным развлечением его были посетители и чтение вслух. Это все друзьями было поставлено основательно, говорить не приходится.

В июне 1957 года ему исполнилось восемьдесят лет. В «Русской мысли» был номер с его портретом, приветственными статьями. Поздравляли и на дому. От Союза писателей отправились мы с А. А. Шиком. Это горестный был год для меня: тяжело и безнадежно заболела жена. Ремизов близко принимал к сердцу — в Париже он уже ее не стеснялся, напротив, оказалась она для него отзвуком давней Москвы, юности. Он к ней дружески теперь относился, беду ее очень ощущал.

— Денег надо побольше теперь... денег. Уход хороший. Это трудно, а надо. Денег, денег. Лечить.

Говорилось это не равнодушно. (Сам пережил не так давно Голгофу Серафимы Павловны.)

Вот и пришли мы к нему с Александром Адольфовичем «от Союза». Я начал что-то поздравительное, но в горле спазма, пробормотал несколько слов, мы обнялись и заплакали.

* * *

Редко к кому смерть легко приходит. Так вышло и с Ремизовым. Чуть ли не последней эта встреча наша и оказалась. Вскоре болезнь его усилилась, он задыхался, над ним воздвигали палатку кислородную для облегчения. Тут уже не до чтения вслух. И вообще не до посетителей.

Он умер в ноябре того же 57-го года, оставив по себе наследство многих книг, редкостно-своеобразных, трудно читаемых: «для немногих». Как во времена «Сириуса», теперь, в закатные годы, больше его печатали, чем в молодости,— и в «УМСА-Press», и в Чеховском издательстве. Одна из лучших

его книг, «Подстриженными глазами» (очерки-образы, воспоминания о Москве юных лет), вышла здесь в Париже, в «УМСА-Press».

Жизнь тяжелая и отшельническая, глубоко, исключительно даже писательская, проходила передо мной шестьдесят лет. И прошла. Теперь уж, из моих сверстников, некому проходить.

1968

О Ремизове — к десятилетию кончины

Русская мысль. 1968. 4 февр. № 2668.

С. 360. *В одном из журналов... рассказик мой «Океан».*— Рассказ Зайцева «Океан» был опубликован в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 2) и в книге не включался.

...когда возник «Сириус»... стали выходить довольно обильно и его книги.— Издательство «Сирин» (у Зайцева в названии неточность) было основано в Петербурге промышленником М. И. Терещенко и его двумя сестрами в 1912 г.; оно выпускало книги до 1915 г. при активном сотрудничестве А. Блока. В «Сирине» были изданы собрания сочинений А. Ремизова (8 т.; часть тиража в издательстве «Шиповник» в 1910—1912 гг.), Ф. Сологуба (16 т.), В. Брюсова (из 25 т. успели выйти 8), а также однотомники Ремизова «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915) и др.

С. 361. *И много // Переменилось в жизни для меня...*— Из стихотворения А. С. Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835).

Одна — главноначальствующая, главковерх, одна — писательница преданная, вроде начальника штаба...— Имеются в виду Наталья Викторовна Резникова-Чернова (1903—1992), написавшая мемуарную книгу «Огненная память» (Беркли, 1980), и писательница Наталья Владимировна Кодрянская (1901—1983), автор книг «Алексей Ремизов» (Париж, 1959) и «Ремизов в своих письмах» (Париж, 1977).

...все мы, пишущие, считались членами «Обезьяньей Вольной Палаты»...— Шутовское общество «Обезьянья Великая и Вольная Палата» («Обезвелволпал») А. М. Ремизов придумал в 1908 г. «В палату,— вспоминает один из «серапиновых братьев», принятых в это общество, К. А. Федин,— выбирались только литераторы, и выборы производил сам Ремизов, носивший звание «старшего канцеляриуса», в то время как сочлены палаты величались кавалерами, князьями, епископами и многими другими титулами, придуманными для каждого отдельного

случая, иногда лестными, иногда насмешливо позорящими, вроде, например, «великого гнида». Знаменитый пушкинист Павел Елисеевич Щеголев звался «старейшим князем», беллетрист Вячеслав Шишков — «князем Бежецким и Сибирским». Был в палате «епископ обезьянский смиренный Замутий, в мире князь обезьянский Евгений Замятин». Но больше всего числилось «кавалеров», и многие из них знали друг друга только по именам, потому что палата не устраивала собраний и вообще никакой общественной жизни не вела, а существовала как бы в абстракции, в фантазии ее канцеляриуса. Он возводил в звания и раздавал титулы, вел счет кавалерам, писал и зарисовывал «обезьяньи лавровые грамоты», которыми наделялись новопосвященные. Это были забавные ремизовские документы, сплошь увитые его замысловатыми росчерками, взяв из букв и слова, с печатями, заключающими в себе чертовские знаки, изображения уродов и непонятные надписи глаголицей, которую Ремизов изучил совершенно» (Федин К. Собр. соч. : В 12 т. М., 1986. Т. 10. С. 94).

С. 362. *...времен тетки. . Алексея Тишайшего ..*— Алексей Михайлович («Тишайший»; 1624—1676) — второй царь дома Романовых.

Приемная Плона какого-нибудь или Галлимара...— Имеются в виду известные парижские издательства Плона и Галлимара, которые издавали и книги русских эмигрантов.

С. 363. *В «Русской мысли» был номер с его портретом, приветственными статьями* — Юбилейный номер «Русской мысли», посвященный 80-летию А. М. Ремизова, вышел 6 июля 1957 г. (№ 1087). В нем были опубликованы большой очерк Ю. Терапиано, «Письмо Ремизову» Зайцева (как близкого друга и как председателя парижского Союза писателей и журналистов), приветствие Г. Адамовича и большой портретный рисунок юбиляра, выполненный О. Ковалевской.